

Антон Нечаев

СИНДРОМ ЛИСТА

книга стихотворений

Антон Нечаев

**Синдром листа.
Книга стихотворений**

«Издательские решения»

Нечаев А.

Синдром листа. Книга стихотворений / А. Нечаев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506933-7

Некоторые стихотворения, вошедшие в эту книгу, публиковались в журналах «Ликбез» (Барнаул — Санкт-Петербург), «Зеркало» (Тель-Авив). Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-506933-7

© Нечаев А.
© Издательские решения

Синдром листа Книга стихотворений

Антон Нечаев

© Антон Нечаев, 2019

ISBN 978-5-0050-6933-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

кадм

кадм по велению отца отправился на поиски своей сестры европы по дороге похоронил
мать бросил искать сестру основал город

на поклон
к черному человеку
федеральной трассой лоб обвязавши
огузки осин застряли по корень в оврагах
мешает движению
лихоимская тварь чудо-юдо
в погонах багровых рек
шеи кетгут жил клубок
пол-лица под дорогой
камешками захлебываясь
умножаю скорость
прибавляю свой пуд смертей
к дырявому мешку смертей существующих
чавкающий асфальт сытно ем
верстовой столб бензозаправки что вымученная тарелка
столовской похлебки воняет остыльностью
склизкий подъезд к колонке стоило закурить
а гори оно все вслед за мной я люблю когда красочно
я люблю ускорение водоворот песню над мрачным пламенем
дым над снегами иллюзия отсутствующего тепла
раскоряченный снеговик в груди
с палочкой сифилитической носа
реципрокная нежная сексуальная связь
распиши мне ее по пунктам по междометиям
где и что говорить как стонать как в поту задышаться
как выслушивать хриплые твои в простынях пожелания
и самое главное как и сколько платить
и в какой валюте
в монетах слюны банкнотах разочарованности
слитках бесценных болезней
сердца и предстательной железы
в память о белых лодыжках
остановившаяся березовая роща

о круглом колене заманчивый сектор неба
за которым господь

все пути ведут
в черные кулаки его
туманные его длани
бездонные беспрепятственные
по-видимому это и есть ад
траурная дыра
когда пушинкой камнем кулем убойного мяса
проваливаешься и проваливаешься
проваливаешься и проваливаешься
и мечтаешь уже о стоянке
на худом берегу
костлявой воды
о тусклом костре бледных тенях
голодных покойников выпрашивающих консервные банки
вспомнить запах
томатных масляных рыб
хоть зацепка на склоне маленький кустик
джинсами модными огородными шкерами
водолазкой из дакки готов рискнуть
шерсти клоком пожертвовать
лишь бы пауза
на мгновение
на полвдоха
на убегающий по воздуху поцелуй

ты молчишь и я не поддерживаю
разрушение тишины
пусть все смолкнет
улица повисшая за окном
как упавшая штора
что-то скрыто а что-то мечется
шевелится пытается себя доказать
тут клаксон завизжит там бордюр скользнет оглушительно
в мягкую колею колес
хвост философской псины
клянется своей хозяйкой и топает босиком на склад
колбасного магазина вдыхать коробки
грузчиков ублажать хворостовским лаем
опускает маркизу ларек и затевает торговлю
между телами во глубине ты мне нежнее
а я тебе поглубее зато почаще
это невыгодно
покупатели примерзают к поручню стальных сервелатов
из подземного перехода как крошка слюны при горячей речи
и прямо к сопернику на губу
помоги в картишках мы тут с ребятами поругались поспорили

разбираешься в покере в буру в очко
в азо так в азо по итогу всем должен
и все насели щеки багровые веки пенные брови сердитые и как делить
оставшийся от маменьки кошелек
вы девушку мою светлоногую в грязь упавшую не видали
спрашиваю у подошв и носков каблуков
у пирующих оспин снега в красной обертке
и стыдливой кромки асфальта
вылезшей в окоеме словно небесный дар

ну что поговорим
о делах наших денежных покалякаем
посмотрим кинцо
полчаса неменяющихся перекрестков
камера в одной точке
семейство в машине буравит проселок под роковую убойную музыку
ты бы сыграл вратаря
странного неиграющего вратаря
не футболом занятого а избеганием жизни
раннее потемнение мизансцена
страшные башни и медленный поезд ночных уличных магазинчиков
лавка в три буквы еда
она с животом и тебе работать
торговать ночью дремать с учебником географии за прилавком
как та случайная продавщица в равномерной тряске пролившая молоко
грудей из разорванного пакета тепла
регистрация есть рожа русская вид доверия
ночь против двух тысяч четыреста ящиков за транспортом присмотреть тебе оно нужно
под икающее агу гуляющее уа
гибель нежных предметов в неумелых ручонках малознакомого человека
под теплый запах пизды по утрам
бантичные букеты трусиков гимн прокладок
эпопею висящих на бельевых веревках соплей
в бархатный кадилак садится святая дева
только что отсосавшая у святого апостола
под благословение всех нефов в лесах
всех алтарных святынь в красочной мультяшной
хихикающей позолоте
подмети за ушедшей машиной
здесь стоянка
не их а твоя
без тревожной кнопки
без изгороди
без сна
с полоумной овчаркой жрущей прокисшую гречку
и с пропитым сменщиком умершим год назад
под стрекот немой кинокамеры снимающей развлекающихся динозавров
тебе это нужно
я спрашиваю

голосом громовым
чтоб ты больше поверил
чтоб страшнее проверил
белую
девушку мою верни
черная машина ее забрала
словно бугорок недоверия на твоей ладони
из гнилых десен четыре дверцы
как четырех подонков ночной удар
маршевая литания на локте горы
сломанные суставы берез музыка одичалая
семь коров на один шашлык
и пастух разрезанной помидоркой
вертится в луковой глуши обжигаясь
денатуратом дихлофосом диссоциацией
мировых идей
в маленькой неприспособленной под мышление голове
все извилины в кепке
вся смелость в бутылке
кайф в сигарете
любовь от матери к сладким книгам нежным иконам
хемингуэя и Достоевского
каторге обеденного сна
выхлоп трубы из-под бампера переделанная заводская
в силки полей убежать да напрасно в позе автомеханика
под машиной живешь где бы ни оказался
спина на твердом
бетоне почве граните во рту сажа гнилая пыль
свежая пища не правда ли
хруст каштанов
человеческих черепов под колесами не забыть бы на зимние поменять
регулятор движения с палочкой оторванной у носорога
с голосом отрезанным у павлина с языком помеченным раболепием
все ходы перекрыл сказочный классический указатель
с номинальным счастьем коли пойдешь направо налево всегда беда и тот
отброшен
вместе с памятником Гагарину отправлен на дезинфекцию
дымом там где рукописи Пушкина не горят лечась от холеры
там где справочники по медицине вместо карет скорой помощи
отправляют сумасшедших интеллектуальных дворян в дурдома чутка опроститься

зачем мне эти страшные черепаши очки
утверждение прозвища водолаз разглядывать трещинки на гитаре
голубоглазой бардессы у низкорослых замшелых стен
и друг бородач лохматая птица не вернувшаяся и поныне в Портленд
постегивающая любимую по загровку палаточным ремешком
тридцать четыре монеты плата за композицию
в сумерках разворот спин смены часовых у никитских
отдых часовых в пивбаре в столешниковом

в память бардессы звонкий над кружкой всхлип
и баюкающая электрички гладь
ладони прозрачные на окошках
прощание черкани на память
новую линию поперек запястья
прерывающую судьбу
с наступлением сумерек аккорды звучат по-иному
словно не пальцы не струны не гриф а капель
африканская птица гортанное пение падаль
разбитый кувшин с нарисованными фигурками носорогов
двадцать седьмой подъезд испытую
что за привычка считать все не то
здания непохожи слишком одутловаты
капризны запущены стройности никакой
ты не можешь в них жить
разве на чердаке мертвой женщиной
в мягком мясе обнаженной спины лезвие стекловаты
изнасилованной выпившими двумя
не виноватыми в пустяках друзьями
я буду первый ну будь только на вкус попробовать
насколько она соленая насколько ей будет больно
но это не та не она цвет не белый
матовый серый окошко бродского наивная в ожиданьях волна
разбивающаяся о манхэттен о пьедестал свободы
трахнуть пальцами ее подъябочную открытку
разворачивающуюся хэппиэндovým поздравлением вездесущей зубастой радостью
и не довести до конца обречь на фрустрацию
закабалить долгим щемящим комплексом собственного уродства
взять на память очки с диоптриями настоящие
не то что мои придуманные для сокрытия кровожадных глаз
избежать завтрашней встречи рокового похмелья
накрашенных в подражание шлюхам губ
мертвый сезон вымученных рассказов
ты погоди не так быстро не так откровенно
мы же с тобой никуда не уходим
а если мы удаляемся то это не мы
это то хорошее что ты могла бы о нас подумать

хрип предсмертный литовца
под пятой мастодонта
в залысинах гейской радости
и крик с верхотуры
уходящих черных ходом в любовь
по занозистым доскам
сгибаясь в коленях
опасаясь разнести потолок
поцелуи между мужчинами тише но и слышнее
герметичней заметнее
особенно под песни хохлов

строителей обтирающих столичную площадь
потными рубахами цвета днепровской волны
мы никогда не умрем с этим лозунгом
закуриваешь новую сигарету
отобранную у изгнанных навсегда наркоманов
и проникаешь в туман как свой как родня
сам по себе размытый вязкий качающийся
и видишь девушку получающую по голове
за то что пыталась сказать любовь
на коленях нежно с цветком во рту
и видишь мальчика с длинными волосами
занимающегося на стройке
ночным разрушением человечества
погибающего в попытке оформить свои изыски
и видишь квадратный поезд без рельс и локомотива
проходящий насквозь впритык и под землю
сквозь алтарный придел подхватывая неверующих
собранных в храме ответственном за грехи
в шапке иконной в ризе на голое тело
в мушкетерском плаще второсортного полка дэзэссара
слушай помоги мне по дружбе с карьерой в церкви
укради антиминос а я потом обнаружу
и получу награду от самого патриарха
может быть даже орден андрея ивана почетного легиона
почетный легион пресмыкающихся
в куполе летучая мышь
мечется не понимая своего счастья
бог микеланджело тянет к ней руку
спаси меня мышка спусти в пещеру
теплого детства спокойных дней
убиенных младенцев туристического похода в египет
волхвов-дурачков принесших последнюю свою пенсию
мне на коляску
и нет никакого права молчать и рычать и летать
и воздух священный подкупольный острием раскалывать
спиц спрятанных в крылья
и граждан воспринимать
лишь как сосуды с более-менее вкусной жидкостью
словно пакеты с томатным соком
главное правильно
выбрать производителя
мышь летучая распятый христос
храм целебес пожирающий склоненные
вырезанные ин-квартиро вафли
и ты грохочешь под колоколом
стопочкой дешевого коньяка
занюхивая захватанным языком
болтающимся конским хуем
равнодушным к прелестям пыхтящих ники и вики

ждешь церковной карьеры
сталкивая многомудрый месяц
улыбающийся приветливо
с соседнего храма

рецепт девчонки со вкусом вишни
легкая рябь пруда
прохожие осенних оттенков
и вкус дешевого амаретто
украденного из дома булгакова
у самого булгакова
а разве он жил здесь на этой улице
видел этих хасидов
бомбочки в пакетиках в урнах
и ежеутреннюю женщину-гиппопотама
почти без платья
на которую регулярно и обидно встает
в перерывах поиска смысла
грузим ящики с выпивкой в складское окно
за процент и спустя сотню ходок
там же на складе уничтожаем
сгруженное
мысленно восстанавливая
вокруг себя курский вокзал
прочитывая по складам объявления об отходе поезда
в лучший мир петушков чаттануг освежаванных дивногорсков
край накидки мелькнет домино петербурга
и не дернешься даже вослед
рачьим взглядом из подземелья
провожая бегущие ножки блузки галлюцинации
от патоки
тянет закольцоваться утечь
в злачный глухой закоулок
в желтый дом с бескрайним бассейном
в реформированный театр глухих
бывших слепых
кривые мосты словно пробки разбросанного портвейна
на удочку ловишь бордовый цвет редких погожих дней
и мечты о книге
о собрании сочинений
с опрокинутой восьмеркой томов
читаемых с любой строчки в любом направлении
лишь бы не разговаривать не убивать слова
весною и у памятников стояк
но-шпа одолженная в аптеке
заедается надкусанной колбасой
маленькие крысиные зубчики
людей мы не трогаем трогаем государство
оно же ничье и все равно всех обижает

ссылкой ли заключением
в лучшем случае расправой на скорую руку
в память об его доброте мы оставляем кресты
словно свои собственные скелеты на память
из-под земли смотрим на чудовищную райскую жизнь
ловя на пластиковые цветы небесные телеканалы
темное место готовый на все блондин
байкер хакер донор все злое заканчивается рычанием
стамеска к горлу кеннинг активной руки
приближающейся агонии
лишь женщина впереди спасает
алым лучом вытканного из ботвы сарафана
прячет бегущих ищущих беспокойных
глупый пялится фриц не врубаясь
отчего так юбка топорщится отчего подружка смеется
низким секретным смехом
блуждающих в чашах сов
урчащих в болотах
похотливых лесных журавлей
будущее живет под юбкой
история тайна там же
и радуга
и свобода

бесполезно
ты видел эти красные и серые камешки
белый цвет давно отменен
в твердом корпусе каждого
тысяча жизней
поддерживать шпили башен
с нацистской символикой
монархической демократии
обритые наголо булыжники мостовых
размноженная пятьдесят восьмая статья
в поддержку уличного движения
твердых правил абсолют безопасности
единственного человека не отличающегося от всех остальных людей
что ты здесь ищешь что ты можешь найти
глупо и безрассудно
моргает в губах сигара
в рюмке багровый напиток исполняет румбу заезжий тайфун
обвинять других в крахе своих иллюзий
я не крал твоих женщин
в черные машины их не усаживал
не снимал в порнушке для глянца в пропагандистском видео
не брал в кино на взаимовыгодные зачетные роли
в каземате на даче ее не селил незаконных детей она не рожает
родиной матерью на пьедестал не осуждена
век деньской коротать

зоофилия с быком не ее ампула она и не пробовала
в столп соляной превратиться и то не позволили
семь убегающих рек черное ее млеко
семь писем ей напиши из умалишенного дома
с батареей поговори
рассказывают там ее голос
прячется в чугуне с эхом под труб горластых подпевку
сокровищица царя ее ароматный ливер
в задний проход любовь облаков ароматный ворох
тряска белого пепла плоть кожей живой в лицо
вечное лето метро
улыбка в дверном отражении
утренний крем на руках жареная тарелка
масляных бутербродов
бытие
полное житейского смысла
категория без признаков категоричности
и о чем маячит
бледное твое пятно под окном
гнездо покинутой воробьями иволги
шест отщепенца говоря проще
нет ты дослушай мой монолог
дверь не тревожь куксится в напряжении
в форточку не задыхивай воздуха гипоксия
от напряженных одышливых таких же как ты бродячих
каликов по руси смехотворящих машкар
чумаком укатись во францию в город безумных нюрнберг
испокон века там сумасшедшие собирались
в венесуэлу к зятю в патагонию к сомнительным перспективам
в пампасы
только здесь не виси
требовательным плакатом мемориальной доской
с забытой фамилией
схему не портить проезда
придуманным лишним знаком
в песенку не добавить
слов
петую испокон
ты всех не умнее етсетера
тру-ля-ля
бла-бла-бла
разливается
розовое утро по прохладным вагонам
оцепления на вокзале
против мешочников контрабанда
пьяные автоматические эквилибристы
сбрасывают трупы в камаз
сахарные плоды революции
единственный ее классический результат

человек и правитель
вся масса противостояния
сконцентрирована на пересечении их взглядов
правитель всегда обманщик
установщик иллюзорных систем
феодалного капиталистического рабовладения
скрывающих одну истинную систему
ты мое
не твое говорит человек
ничье свое собственное
никто не имеет права управлять кем-то кроме себя
хождение на работу в инстанцию за три моря
трансформация рабства
нас повезут вот-вот только дождитесь
естественно дата указана на билете
прямо на нем как свечка на красной площади
газовая горелка любви обжигающая ехидно волосы на ногах
я заброшу прокляну и забуду
воины из писем моих искренних встанут
письма выльются в письма
дом игрушечный в государство
необिженных равносчастливых невозможных
не там где все
раскармливают негодяйку одну
за нее же идут умирать
убивать что еще
что прикажут

обслужитель собственных продувных затей
стакан коньяка на смешном бульваре
под уговоры соратника иеговы
стать иеговой нет не хочу
саваофу свое свое же и артаксерксу
а мне еще орфографию повторять синтаксис предложения
строить разбирать по составу обратный самолетный билет
красной юбкой любуясь студентки мединститута
залечившей схему проезда до дыр
и все равно заблудившейся
в сквериках знакомясь с холодными мужиками
безучастно сидящими стоящими в позе
присвоенного величия
равнодушные к осени и ее красоте
зависть к книгам к их манящей дорогой автономии
имперское чувство вобрать все в себя сделать своим имуществом
не позволить передвигаться серым зеленым порою бесценным томам
уничтожить развалы у переходов
бабку в скромном пальтишке распять собранием блаженного августина
тебя тянет в вену индуса в лондон
меня в никуда пустота наша столица

метрополия наша узкий кружок
молодых поэтов ушедших почитать
объединенных белыми раковинами голубым кафелем
поэтическими золотыми дождями
аутизм нормальное состояние человека
он только и должен что заниматься собой
а участие в конференциях чрезмерная активность
мероприятия
необычный сценарий
акробатика на открытии вступительные слова
обручи вокруг горла
театр марионеток
ущемление главной роли
ссылка протагониста в кулисы
в гримерку подметать пол
вскорости мы уедем слишком дороги контрамарки
в императорский коллизей
круглая замкнутая пирамида
неизвестная геометрии
с безразличным свиным лицом
подшептывает подсказывает
что и кому сколько куда
получая одну
сразу попадаешь в распространители
не успеешь опомниться
как уже идешь за зарплатой
жилплощадь в высотном доме
откуда обзор на содеянное на прошлое
за шторами не дает уснуть

в темном уголке смерть острога
приютилась мышь косоглазая зверь единый и
неделимый на всю тайгу
по днищу бочки хлыстовские пляски
о голой царевне о голой как осеннее дерево
анне ахматовой в руках амедео
под киргизским конем с воплем вечной виновности
с кровью сокола на губах с пеной речной
на кожаных мокасинах
пьяный от самовластия
трепещет завоеватель стерх победитель
безглавый орел
кольца ороговевшие танков
септенеры колес бэтээров
немецкая бравурная речь
по берегам сибирской реки
какой это фронт
что за наречие
все слова на бэ и на пэ

лающий рык оккупации
красное знамя вымоченное в белой крови
обернись зегзицею александром лебедем
белым лебедем утеки глазки в решетках крылья в наручниках
женка стылая пирожки несет
зубья желтые счастьем кажет
что воинственные напильники
отмычка крючок заточка
наше национальное наш герб
хриплая мурка в красном орнаменте
помогимн
опыт выживания в тоталитарных системах
бесконечный набор уловок приемов борьбы
с мерами всеместного контролирования
наше национальное достижение
вклад в копилку общечеловеческих подвигов
в рыло острога стальной снаряд
хенде хох динь шоу руки вхору
лобные доли стекаются в досочный пол
в траурный подпол
грохот горох
независимости предел и лоботомия

осень

никуда не пошла
просто плакала
как девочка
забытая мамой в троллейбусе
ты ее позовешь
сквозь стекло
бесполезно
она не слышит
она плачет и качает ребенка
страшненькую черную куклу
взрослея с каждой слезой

ничего точного

ничего приблизительного

не помню когда ты явилась
белое пламя над стареньким гаражом
лодыжки крупный хрусталь в ледяной траве
струи хрустящего молока
в кадку нашей деревни
жилистое предплечье плечо топор
игры девичьи в смех и умильный танец
воздух раскусывает иглами лиственниц
угрюмый в прошлом сарай
колет под ребра

шпильки природы
косметика зелени и ручьев
алый колодец межножный рот
клубящаяся от любви сестра
пасынки пастухов в новогоднем поле
кудлатых подарков
овчарок снеговиков
пурга в день рождения детское место
колыбелька дремучий лог
качающийся под ветрами
камешек смеха без малейших причин
кубарем льнет с горы прорезая ветер
и бледные соленые огурцы глаз
капустные листья век
скрижали завета стеклянных банок
пахучих бочек
с заповедями от прежних владельцев
впервые почувствовал боль и счастье
одновременно
махая рукой в ясеневый беспросвет
в след стрекозиному платью
за миг до исчезновения

растрепанная рубашка случайного сна

ты гладишь по волосам заблудившегося человека
стираешь движениями круговыми
восхваленья недавних дней
и всхлипываешь глядя как удаляется
в ледяной туннель коридора
проснувшийся после спячки мальчик

храм

утлое тело жертвы
фиглярствует подрагивая плечишками
в тщедушном пальто
а плоти-то
что у столпника
и туда же как и все в очередь
если очередь значит святыня рядом
не бывает святилищ в свободном доступе
без толчеи без отбитых боков
рваных тканей платочков колеблющихся
свечками поминальными по добру
очередь это и есть святыня
милосердие 999 пробы
переверни число чтоб услышать о себе правду
благословен нищ ты и наг
без глаз и без ног
тих и благ

плох бог
как вздох плах
сдох ссох
абырвалг
всем пох
а потом все же
к столам
к черному морю
к икры губам
коньяку стихам
тело плоское уминая
сворачивая в пальто
холодного воздуха
утекая за кладбище
за грустный монастырский погост
где среди звезд
бродит взбалтывая абракадабру
памяти словно пахучий спирт
храмик на тоненьких ножках
с болтающейся головой
сумасшедший немножко
твой

а в африке

что так далеко
сильный предок мой
кокосовое молоко
пил из яшмово-золотых грудей
космической кобылицы
прирученной еще тогда
древним предком в те времена
когда камень песок вода
не использовались как страницы
лишь как камень вода песок
чтобы сделать шажок глоток
или дерзким предстать убийцей

а желанья стихи статьи
и расширенные доклады
сообщались молчанием глаза в глаза
и женщины
были рады

леверкюи

смычок железнодорожного полотна
отвратительно темперированный клавир
десна перронов
кепи мелькающих станций
много черепов посшибал

настрогал из людей покойников
псов питал человечинной
ордена кровавые одобряя
в окопы сыпал профессоров
чернь и челядь вырисовывая на плакатах
а ты записался в огпу леверкюновское
нормы леверкюновского гто сдал
в каждом доме турник в каждом дворе каторга
след на след в смерть ушедших тихому океану поющих
океану что тихим стал от увиденного онемел от кормежки кровавой
камни вместо ботинок кайла вместо кружавчатых рукавов
смертью смерть поправ и сущим во гробех
даже песенку не пропевши
нету слуха музыкального у леверкюна
звон один колокольный по звону он мастер
старый русский маэстро
поминальный предпочитается и тревожному и прощальному
один за одним ранец к ранцу ствол к стволу стон к бедру
под расстрельные дни борщами давясь
рощами усыхая вшивый язык уча
плесенью соприкасаясь
запрещенных ненастных мыслей
дремлет после трудов праведных леверкюн
чую уже пора
спать была пора
а теперь пора
пробуждаться

траян

на бетонной дорожке
остались следы
давно умершей собаки
Траяна

глупый
он бегал здесь
минуя деревянную загородку
не зная правил людей
их обычая все огораживать
доверчиво взирал снизу вверх
на выползающих к своим машинам жильцов
отправляющихся на дачи
на тщедушных детей
ловящих крысу в песочнице
наблюдал за движениями скользких тучек
пронзительным росчерком самолета в густой синеве
одобрительно помахивал хвостиком на тарахтящего в небе над лесом
немолодого уже чудака
на смешном паратране

и не покорял царств
Траян
колонн помпезно не устанавливал
не раздавал должности и венки
даков косматых даже во сне не видел
лишь каждого проходящего
сопровождал до подъезда
с каждым выходящим проходил до угла
а то и до остановки
дружелюбно и ненавязчиво
полон тонкого симпатичного воспитания
на бетоне дорожки
как на императорской арке
отпечатаны
скромные собачьи следы

сон

о двоих

вечно ко мне идущих
компанейские парни
нараспашку бушлаты рты козырьки
автоматы
плечи раскинуты как поля
космы переносная ракета
где-то ракета
по небу к врагу плывет
по морю дронт бежит за удирающим от стыда человечеством

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.